

ПАРАДИГМА ЧЕТЫРЕХ "К" В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ПОДДЕРЖКИ

Автор: И. Е. ШТЕЙНБЕРГ

ШТЕЙНБЕРГ Илья Ефимович - кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Саратовского государственного политехнического университета (E-mail: isteinberg@mail.ru).

Аннотация. Рассматриваются методологические и методические проблемы исследования сетей социальной поддержки. Представлена рефлексия распространенных в полевых социологических исследованиях этих сетей теоретических концепций. Предлагается новый подход к исследованию социальных сетей поддержки - "концепция четырех "К"". Описана методика их междисциплинарного исследования, построенная на данной концепции; приведены результаты.

Ключевые слова: социальная сеть поддержки * "концепция четырех "К"" * междисциплинарный подход * сети выживания и сети развития * гражданские самоорганизации

По мнению многих российских исследователей постсоветского социума, переходный период трансформации российского общества от социалистической идеологии и плановой экономики к либеральным ценностям и рыночным способам хозяйствования еще не завершен. Процесс адаптации общественных систем к условиям постсоциалистической трансформации проявляется в закреплении позитивных тенденций саморазвития, воспроизводства человеческого капитала и цивилизованных культурных ценностей, устойчивого развития экономики, в создании возможностей для организации общества через инструменты рынка и гражданскую активность населения.

Такая активность граждан "снизу" носит противоречивый характер, поскольку является основанием и для развития гражданского общества, и для возникновения деструктивных социальных практик и норм поведения (коррупция, кумовство, приоритет личной преданности над деловыми качествами работника, создание организованных преступных группировок). Одной из причин медленных темпов формирования позитивных изменений в российском обществе через установление и развитие "горизонтальных связей" между людьми, является, по определению Ю. А. Левады, "институциональный дефицит", т.е. отставание институционализации социальных отношений, которые должны обеспечивать становление гражданского общества и новых форм хозяйствования.

Функционирование неформальных социальных сетей поддержки, объединяющих отдельных граждан, семьи, различные негосударственные, некоммерческие и этнические сообщества, является одной из форм преодоления этого "институционального дефицита", что особенно важно в условиях современного мирового финансово-экономического кризиса. Социальные сети поддержки семей во времена системного кризиса основных социальных институтов общества в постсоветской России выполняли важную роль "социального амортизатора" в стратегиях выживания семей, помогали развитию индивидуального предпринимательства и формированию бизнес-сообществ в сфере экономики. Кроме того, они выступали в качестве катализатора объединения граждан в отстаивании прав по социальной защите населения, являлись одним из ос-

новых инструментов возрождения национальных и религиозных традиций, а также развития гражданских инициатив. Сегодня возможности социальных сетей так же актуальны, как и в 90-е года прошлого века.

Для оценки возможностей и ограничений социальных сетей поддержки семьи, выявления закономерностей их формирования и функционирования следует обратиться к методологии и результатам исследований социальных сетей поддержки семей, которые предпринимались в период "кризиса 90-х", т.к. сегодня мы опять возвращаемся к ключевым вопросам о формах реструктуризации социальных сетей в условиях экономического кризиса. Также для проведения новых исследований важна методологическая рефлексия тех концептов, которые оказались продуктивными в эмпирических исследованиях социальных сетей поддержки.

Четыре концепта в исследованиях социальных сетей поддержки

Несмотря на многообразие методологических подходов к исследованию социальных сетей, которые можно встретить в научных работах, автор, анализируя исследовательские проекты данной тематики, пришел к выводу, что большинство представлений исследователей о природе социальных сетей и их роли в обществе можно условно свести к четырем основным теоретическим концептам.

Во-первых, это парадигма П. Бурдье и Дж. Коулмена, которые видели в социальных сетях форму социального капитала. Так, П. Бурдье представляет социальную сеть как социальное поле, в котором места индивидов распределены в соответствии с их статусами. Статус в свою очередь зависит от совокупности ценных социальных отношений и полезных связей, которые собственно и представляют социальный капитал. Дж. Коулмен в различных формах социального капитала выделяет социальную норму, которая "не только облегчает определенные действия, но и сдерживает другие (негативные) тенденции" [1, 129]. Он представляет социальный капитал как сеть отношений, основанных на доверии и уверенности в том, что другие члены сети добровольно выполняют свои обязательства.

Однако практика показывает, что социальный капитал в виде норм доверия и взаимного выполнения обязательств между субъектами взаимодействия может накапливаться в организациях, не имеющих сетевую структуру. Возникновение таких норм в иерархической организации тесно связано с формальными договорами или устными обязательствами, которые вытекают из логики снижения рисков ери достижении поставленных управленцами целей. Но в иерархической организации между ее сотрудниками может также сформироваться неформальная структура социальной сети поддержки. Индикатором ее появления служат заявления ее членов, что "мы как одна семья" (отдельно следует выделить случай, когда ключевые позиции в организации занимают представители семейного клана или это носит декларативный характер). Это означает, что сети социальной поддержки имеют иную природу возникновения норм доверия друг к другу, которая коренится в ценностно-нормативных традициях института семьи и дружбы.

Другим концептуальным подходом к изучению социальных сетей поддержки является представление о социальной сети как устойчивой совокупности взаимосвязей и отношений между участниками по обмену различными ресурсами, включая подарки и прочие символы причастности и солидарности.

Среди этих "взаимообменных" или "реципроктных" концепций можно выделить теорию М. Грановеттера [2] по разделению связей внутри сети на сильные и слабые с доказательством "силы слабых связей", которые дают преимущества социальным сетям в достижении поставленных целей за счет возможности подключения большего числа сетевых узлов для доступа к необходимым ресурсам, их взаимозаменяемости и автономности. Это принципиальное отличие организационной структуры социальной сети от структуры малой группы, где индивиды с низким "социометрическим статусом", согласно концепции Морено, находятся в положении "отверженных парий"

и "козлов отпущения". В сетях социальной поддержки индивиды с малым числом взаимных связей могут оставаться полноправными членами сообщества со статусом "пассивного члена", "резервиста", которых "имеют в виду на крайний случай" и т.п., если они, конечно, разделяют общие ценности и нормы поведения данного объединения.

В данный континуум представлений о социальной сети поддержки как "системе взаимобменов" включены различные формы ресурсов для обмена - материальные и не материальные. Например, концепция социальных сетей, которую автор условно называет "теплообменной", предлагает рассматривать социальную сеть как систему "каналов", "труб", "туннелей", по которым "текут" не только материальные ресурсы, но еще передается "тепло" доверия, взаимопонимания, симпатии и прочее [3]. С помощью этого эмоционального "тепла" в сетях создаются особые "поля притяжения", "круги своих" и т.д.

Однако для институционализации социальных сетей неопределенное "тепло отношений" должно иметь определенную форму, закрепленную в стандартах, нормах, обычаях, традициях и ритуалах поведения участников сетевых взаимодействий. Важную роль в этом подходе сыграли антропологические исследования М. Мосса, Дж. Кариера, Р. Эмерсона по изучению символических обменов и даров как важных механизмов формирования и функционирования социальных сетей. Значение подарка в этих исследованиях для существования социальной сети очень велико. Например, В. Ильин определяет подарок как "форму регулярных инвестиций в поддержание социальной сети". Подарок в реципроктных (взаимных) отношениях в сетевых связях несет много функций и может выступать далеко не символической материальной помощью, что особенно проявляется в формах, подробно описанных К. Поланьи, А. Шиком, В. Ильиным, С. Барсуковой, А. Леденевой и др. (неэквивалентные обмены, традиционные "помочи", блат и прочее).

Третьим концептом изучения социальных сетей поддержки является их рассмотрение в качестве универсального способа адаптации различных социальных групп к экстраординарным условиям существования. В теории социальные сети поддержки отражают "нерегулярные" экономические связи и отношения, отсутствие прямой зависимости от рыночных товарно-денежных регуляторов взаимобменов с их "моралью" капиталистической выгоды [4, 279]. Основная функция таких сетей обезопасить участников от реальных или мнимых угроз "оставления" их без защиты государством на произвол частного интереса, носителями которого могут быть как "акулы капитализма", так и любые представители "нерыночных" социальных групп, включая криминальные структуры и чиновников.

Особенно "адаптационная" концепция изучения сетей социальной поддержки заметна в исследованиях растущего сектора неформальной экономики в Европе и Латинской Америке. Например, исследователи экономики стран третьего мира указывали, что в стратегиях выживания семей огромную роль играют родственные и дружеские "сети", оказывающие членам семьи помощь в поисках работы и поддержку в случае чрезвычайных обстоятельств [5].

Целям адаптации социальной сети поддержки как формы социального механизма взаимопомощи в социуме служит концепция "моральной экономики" и "оружия слабых" Дж. Скотта [6], который на примерах крестьянских сообществ Юго-Восточной Азии показал, как общинные нормы взаимовыручки, которые являются моральной привычкой пользоваться для выживания ресурсами "крестьянского мира", и разнообразные формы коллективного латентного сопротивления и защиты от давления властей входят в универсальную основу аграрного развития.

Четвертый концепт в исследовании социальных сетей поддержки условно можно назвать "внеинституциональным" подходом. Отчасти он опирается на понятие "сетевое общество", основоположником теории которого считается Мануэль Кастельс. В книге "Зарождение сетевого общества" [7] он описывает "сетевое общество" как специфическую форму социальной структуры, характерную для "информационной

эпохи". Кастельс считал, что смена способов производства, где власть потоков информации преобладает над потоками власти, приведет к тому, что отношения между обществом и государством, а также в самом обществе будут строиться по новым принципам, которые по сути своей являются сетевыми отношениями. Сетевые преобразования отношений пойдут в трех измерениях: в области производства, в сфере власти и личного опыта индивида.

Исследовательская логика такого подхода предполагает, что сетевые отношения всегда существовали в обществе, но *вне* традиционного иерархического института с его вертикальной организацией, системой патрон-клиентских отношений, жесткостью в определении ролей и статусов членов общества. "Производственная необходимость" информационной эпохи делает их доминирующими в силу гибкости, мобильности, большей продуктивности и надежности в обработке децентрализованных информационных потоков. На смену вертикальному строению общества приходят горизонтальные, "плоские" организационные структуры связей и отношений между людьми и их сообществами. Семья и неформальные дружеские сообщества представляют собой "эксплоярную" форму "вне систем" [8], что делает их органично восприимчивыми к современным принципам организации сетевых структур.

Однако то, что социальные сети поддержки существуют вне традиционных социальных институтов государства и общества, не лишает их собственной институциональной формы. Мы видим, как сложившиеся в неформальных сетях отношения начинают упорно искать себе форму в собственных нормах поведения, традициях и ритуалах, в коалициях и ассоциациях. Не всегда "тусовка" друзей и знакомых превращается в организацию, но многие сетевые организации выросли из таких "тусовок". С другой стороны, трудно найти традиционную организацию, в которой полностью отсутствовало бы неформальное сетевое сообщество, живущее по своим нормам и правилам.

Неоинституционалисты Р. Кроуз и Д. Норт на примере исследований экономических взаимоотношений показали, что неформальные правила являются такими же институтами, как и закрепленные в законах и инструкциях нормы экономического поведения. Этот тезис проявляется у П. Бергера и Т. Лукмана, которые видели суть института в процессе превращения любых актов поведения в "сферу само собой разумеющихся рутинных действий" и т.п. Это превращает предмет исследования в "невидимку", так как рутинные практики очень трудны для рефлексии исследователя, особенно если он сам принадлежит к данной культуре и в них погружен.

Формирование социальной сети поддержки как особой формы социального института это не только поиск устойчивых форм взаимопомощи и солидарности, которые могут быть встроены во все типы организации совместной деятельности людей от общины до современных корпораций, но требуется и наличие присущих именно сетевым структурам системы ценностей, норм, стандартов и принятых всеми членами сообщества образцов поведения, которое идентифицируется как "сетевое" (например, децентрализация управления, реципроктность и неэквивалентность обменов, наращивание слабых связей между членами сети и т.д.).

Социальная сеть поддержки, как и любой социальный институт, должна обладать хотя бы минимальным набором его признаков: а) выраженной потребностью в организации совместной деятельности людей для достижения их собственных целей, а также целей и функций всего объединения; б) устойчивой системой социальных связей между элементами сети и организационной структуры, интегрирующей эти элементы в определенную форму отношений, закрепленных в виде социальных ролей и статусов; в) иметь физическую форму выражения сетевых отношений в определенной форме материальных и моральных ресурсов, социальном капитале сети, традициях и ритуалах поведения.

Междисциплинарный синтез концепций социальных сетей в полевых исследованиях. Как правило, исследователи в ходе обсуждения программы полевого исследования социальных сетей возникающие гипотезы основывают на тех или иных теоре-

тических концептах. Так, в социологическом исследовании "Неформальная экономика сельских и городских домохозяйств: реструктуризация сетей межсемейного обмена" (руководители Теодор Шанин и Вадим Радаев, 1999 - 2001 гг.) активно использовался "внеинституциональный" подход к определению понятия социальная сеть: *"Под сетью социальной поддержки семьи мы будем понимать особый род неформального социального института, спонтанно возникшего на основе устойчивых связей кровного родства и дружбы членов семей и их ближнего окружения, на взаимном интересе и личном выборе"*.

В центре рабочей концепции социальной сети поддержки семьи укрепилось представление о том, что мы имеем дело с совокупностью различных систем устойчивых персонифицированных взаимоотношений и зависимостей элементов сети друг от друга. В основании этой совокупности систем находится традиционный институт семьи и дружеской взаимовыручки, регулирующийся ценностно-нормативным "миксом" из официальных и неофициальных правил и законов жизненного мира семьи, норм обычного права, свойственных данной культуре, который проявляется в различных формах взаимообмена материальными и нематериальными ресурсами.

Таким образом, методическая рефлексия результатов наших проектов приводит к тому, что в процессе групповой работы около десяти исследователей возник некий продукт интеграции нескольких теоретических концепций социальных сетей поддержки семьи, который можно назвать *"парадигмой четырех "К"*, имея в виду четыре концепта социальных сетей, описанных выше (социальный капитал - "каналы" взаимосвязей и взаимообменов - коалиции для адаптации и выживания - *кастелевское* "сетевое общество"). Результатом применения "парадигмы 4К" является междисциплинарная методика исследования.

Методический инструментарий проекта "Неформальная экономика сельских и городских домохозяйств: реструктуризация сетей межсемейного обмена", в разработке которого автор принимал участие, представлял собой триангуляцию количественных и качественных методов исследования: 1) штатного бюджетного исследования семьи, ориентированного на межсемейные связи; 2) глубинное интервью, где центральной частью были комментарии респондентами своего сетевого бюджета; 3) "Карта семейной сети поддержки", которая представляла собой графический метод исследования сетевых взаимоотношений и связей.

Для изучения процесса институционализации сети данная методика помогает выявить "незримые" нормы и правила неэквивалентных обменов в сетях социальной поддержки за счет детализации экономической жизни семьи. Так, сетевой бюджет сельской семьи включал в себя ежедневную фиксацию (в рублях и часах) различных трансфертов продуктами, стройматериалами, топливом, кормами для подсобного хозяйства, деньгами (в дар и в долг), помощь трудом (услуги транспортом, помощь в ремонте, строительстве, уходе за детьми и прочее). Также велся учет символических обменов подарками, траты на прием гостей, на информационные и посреднические услуги.

В ходе глубинного интервью исследователь просил прокомментировать эти обмены с точки зрения их значимости для респондента, их обязательности, справедливости, необходимости, соответствия обычаям и нормам поведения и т.п. Это давало возможность не пропустить такие обыденные акты поведения, как помощь трудом друг другу, которая не замечается до тех пор, пока норма, ее регулирующая, будет нарушена. Подобный метод в определенном смысле похож на этнографический "гарфин-келинг", когда обычному поведению придают необычный смысл с целью проявления "фоновых ожиданий". Семейный бюджет, который лежит перед глазами исследователя и респондента, позволяет максимально "опредметить" абстрактный вопрос о "справедливости": *"Это нормально, когда ваш брат увез в город продуктов на 2 тысячи руб., а привез лекарств и конфет на 200 руб.?"*. В этом случае можно надеяться на проявление интересубъективного смысла поведения респондента и социального института семейной сетевой солидарности, который производит эти смыслы и нормы.

Графическая "карта семейной сети поддержки" служит той же цели. В основе метода лежит социометрический подход Я. Морено. Его методика направлена на изучение причин сильных и слабых связей между членами сети, динамики их отношений, эмоциональных предпочтениях, представлений о границах семейной сети и других характеристиках данной семьи как "сетового узла". Респондент самостоятельно изображает свою социальную сеть и объясняет исследователю, что обозначает его рисунок, почему в центре сети находятся эти люди, а другие на ее периферии, почему кто-то из родственников вообще не отмечен и т.п. Как правило, в центре рисунка находится ближний круг общения респондента, который соответствует его представлениям о границах семьи и "радиусе доверия". Метод дает возможность построения естественных типологий сетей межсемейных обменов в представлениях их участников. Интересно, что "естественные" рисунки отличает эгоцентричность и они отражают в основном связи респондента с другими членами сети, но их связи между собой обычно не отмечаются. Дальнейший анализ полученных данных всех трех подходов позволил в нашем исследовании не только определить "плотность" сети по числу случаев обменов за год или "интенсивность" обменов в стоимостном выражении полученных и отданных ресурсов членами сети друг другу, но и выйти на некоторые нормы и правила, регулирующие эти обмены.

По сути, речь идет о применении метода аналитической триангуляции как комбинации различных способов количественного и качественного анализа с общей установкой на взаимодополнение и перепроверку данных исследования [9]. Аналитическая триангуляция хорошо зарекомендовала себя в качественных исследованиях для повышения надежности и валидности процедуры кодировки транскриптов интервью. Центральным моментом здесь является процесс согласования "кодов", т.е. обозначение выделенных по смыслу частей текста маркерами темы или сюжета. Этот подход сейчас активно разрабатывается для сравнительного анализа количественных и качественных данных, например, в контент-анализе текстов [10].

Еще раз необходимо подчеркнуть, что ответы респондентов о взаимосвязях в сетях межсемейных обменов с привязкой к конкретным затратам времени, труда и денег значительно отличаются от штатных интервью большим числом парадоксальных ситуаций в поведении респондентов, которые они должны объяснить. Это в значительной степени облегчает поиск интерсубъективного смысла их поступков и рефлексии. Более подробно данный подход описан в указанной выше работе "Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России" [11, 592] и монографии С. Барсуковой "Неформальная экономика: экономико-социологический анализ" [12].

Если исходить из анализа интервью с респондентами о происхождении их социальных сетей поддержки, то мы имеем дело со спонтанным процессом установления и постепенного укрепления дружеских связей и отношений. В наших интервью нет случаев, когда респондент прямо указывал на то, что он специально конструировал сеть поддержки, запланированно проводил селекцию "нужных людей" с конкретной целью их использования (дружить для "лечения, если вдруг понадобится медицинская помощь" или проведения совместного отдыха). Даже если по факту их контактов они в большинстве случаев встречались именно по этим поводам. В рассказе обязательно присутствует история личных отношений, где имеются представления об общих ценностях, интересах, нормах участия в делах друг друга, символические действия в виде поздравлений, подарков, хождений в гости и прочее.

Внеэкономическая рациональность

Проблема исследования процесса институционализации сетевых структур тесно связана с вопросом, что же делает пространство сетевых связей и отношений взаимовыручки и поддержки стабильным и продолжительным во времени? Что скрепляет непрочные нити неформальных связей и нерегламентированных отношений? Результаты наших исследований позволяют полагать, что прочность социальной сети поддержки

обеспечивают специфические механизмы неэквивалентного обмена сетевыми ресурсами, сервисами, информацией, эмоциями и симпатиями. Этот вывод подтверждает анализ внеэкономической рациональности отношений взаимовыручки сельских семей, неэквивалентных обменов ресурсами между ними, особенностями "нормальных отношений" между участниками сетевых обменов, который основан на результатах исследования сельских семей в наших проектах¹.

Впервые с феноменом неэквивалентного обмена автор столкнулся в середине 90-х, когда наблюдал, как городские родственники сельских жителей вывозят из села несопоставимые по цене с их "гостинцами для родни" мешки овощей, килограммы мяса и молочных продуктов. Однако эту ценовую разницу, иногда в сотни рублей, участники "обмена" считали справедливой или просто не замечали, исходили из нерыночных критериев оценки помощи и даров. Тогда проблема неэквивалентных обменов требовала объяснительной модели, основанной на концепции нерыночной рациональности, идее максимизации социальной полезности в сельском социуме.

Мы обнаружили, что неэквивалентные обмены, ориентированные на социальную полезность для всех участников сети, предполагают долгосрочные отношения. В случайных и кратковременных связях, которые также неизбежно присутствуют в социальных сетях, преобладают отношения "ты мне - я тебе", где объекты обмена вполне сопоставимы. Говоря о сетевых обменах, респонденты редко использовали понятие "оплата", в их ответах чаще употребляется понятие "отблагодарить", что подчеркивает неформальный характер обмена.

Причем, в большинстве интервью, если речь идет о незнакомых или малознакомых людях, "благодарность" предпочтительно оказывать в деньгах. Другой веской причиной благодарить деньгами является "экстрим" ситуации и ее значимость: *"...если это, например, здоровья касается, если это такой действительно критический случай, то надо отблагодарить и лучше, конечно, деньгами..."* (жен., 44 г., Москва, 2000 г.) Но это не закон, а скорее пожелание, так как *"если у тебя есть, чем человеку конкретно помочь, то лучше, конечно, конкретную услугу оказать"* (там же).

Однако, там, где требуется квалифицированная помощь, предпочтительнее денежная форма вознаграждения: *"Услуги, которые я сам не могу выполнить, например, настроить телевизор нового поколения. 100% - ремонт телевизора или его настройка - для меня эта плата обязательна. Компьютерная техника - там тоже надо платить, поскольку ни я, ни мои друзья в этом не разбираются. Здесь уже нужен квалифицированный труд, а за квалифицированный труд надо платить. За качественную работу надо платить, чтобы у человека был стимул, а не стол накрывать"* (там же).

В этих примерах можно увидеть, как респонденты сами отделяют моральные (психологические) ресурсы от сугубо материальных, где легче найти подходящий эквивалент при обмене. Можно выделить три формы обмена психологическими ресурсами в сетях социальной поддержки:

- профилактика форс-мажорных обстоятельств: это совет, информация, увещевание, вмешательство в ситуацию (угроза потери работы, проблемы со здоровьем, семейные проблемы);

- реабилитация последствий посттравмы, например, потеря работы, болезнь, развод и прочее;

- мобилизация ресурсов сети для решения проблемы путем разделения ее на задачи и распределения этих задач по агентам сети. Например, помощь родственников и др.

¹ Анализ основан на первичных данных, полученных методом глубинного интервью в социологических проектах по исследованию социальных сетей межсемейной поддержки в 1999 - 2000 гг. (рук. Т. Шанин и В. Радаев). В статье используется анализ 17 интервью с сельскими респондентами Саратовской области, которые проводились в течение года двумя исследователями - автором статьи и М. Морехановой, а также 12 интервью, полученных в ходе социологического исследования "Социальные сети в России" (рук. А. Берелович) в Саратовской области [Архив исследования. 2002]. Интервьюеры: В. Виноградский, О. Виноградская, М. Мореханова, А. Никулин, Л. Прокофьева, И. Штейнберг и др.

друзей при строительстве дачи. Кто-то из членов сети помогает доставить строительный материал, кто-то обеспечивает транспортом; кто помогает рабочей силой, кто просто одалживает деньги на стройку или дает полезную информацию, где дешевле строительные услуги и т.п.

Неэквивалентные обмены, как правило, имеют историю отношений, когда у субъектов "обмена" не только общее настоящее, но и общее прошлое. Например, учились в одном классе, жили в одном дворе, вместе отдыхали в санатории, играли в одной команде и прочее. Тогда возникает поле так называемых "нормальных отношений", под которыми подразумеваются дружеские симпатии. Они предполагают "человеческие формы благодарности и признательности". *"Я думаю, что если ты с человеком когда-то и где-то связывался (в садике, в пионерском лагере, в школе), то отношения поддерживаются автоматически. Ничего не надо объяснять и убеждать. Это как бы природная, естественная дружба"* (студентка, Саратов, 23 г.)

В понимании респондентов "нормальные отношения" предполагают возможность оказания значимой услуги "за спасибо". Например, в истории решения проблемы трудоустройства с помощью друга семьи респондент подчеркивает: *"Я ему кроме того, что сказала: "Спасибо", - и кроме наших дружеских, приятельских отношений, кроме этого ничего и не было, денег там, или отблагодарить чем-то. Именно с этим человеком, я считаю, у меня просто нормальные отношения... Потому что у нас всегда какое-то доверие, я его никогда не подводила, просто он знает, что я его никогда не подведу"* (жен., 44 г., 2000 г., Москва).

В последней фразе мы как раз можем увидеть одну из форм поддержания и укрепления доверительных отношений со "своими людьми". Здесь пролегает весьма тонкая граница между оказанием услуги в сетях "по благу" и "по знакомству": *"Блат - это когда надо что-то давать, деньги или просто выгоду иметь, а знакомство - можно просто по знакомству, по нормальному отношению"* (жен., 44 г.).

Понять такую культуру внешнему наблюдателю очень сложно, так как респондент знает о ней, но не будет объяснять то, что кажется для него естественным. В рамках этой культуры взаимоотношений "несправедливые", на взгляд исследователя, обмены ресурсами между семьями вполне рациональны и естественны.

Социальная сеть поддержки может использовать "блат" в неэквивалентных обменах, но существовать без "нормальных отношений" она не может. То, что "нормальные отношения" в сетевых обменах выводят из обращения категории "зарплата", "прибыль", говорит о том, что в социальных сетях поддержки семьи воспроизводят архаичные структуры натурального крестьянского хозяйства, его хозяйской полезности, которая определяется "равновесием между мерой удовлетворением потребности" участников сетевого обмена и "степенью тягостности труда" [13].

Это объясняет парадоксальные заявления сельских респондентов, когда помощь одной из дочерей, которая живет в том же селе и каждый день помогает матери-пенсионерке по хозяйству (кормит, доит корову, убирает двор и прочее), оценивается значительно меньше, чем помощь другой дочери, которая живет в городе и приезжает 2 - 3 раза в месяц с небольшими гостинцами. Ее "помощь" заключается, в основном, в общении с матерью и мелкими работами "по дому". "Тягостность труда" дочери, которая *"оставляет свой дом, семью, а там-то у нее своих забот не провернуть"*, едет на автобусе из города в село, специально проведать мать, выглядит в глазах респондента "равновесным" с актуальной потребностью пожилой одинокой женщины в общении и моральной поддержке (*"мы сидим с Леной, разговариваем, чай там вместе..., а Тане (другая дочь) поговорить со мной некогда. Раз-два, сделала и побежала к себе..."* (жен., 72 г.)).

Каждодневная рутина работы на личном подсобном хозяйстве определенным образом "обесценивает" физически тяжелый ручной труд на крестьянском подворье (*"Раз-два, сделала и побежала к себе..."*) и переоценивает "тягостность" затраченных усилий на поездку из города и последствий оставления своего "хозяйства" ради оказания помощи респонденту.

Сети развития и сети выживания

Имущественное расслоение в современном обществе не обошло стороной социальные сети поддержки. В середине 90-х годов прошлого века мы находились в начале этого процесса, который характеризовался напряжением в отношениях между родственниками и друзьями относительно традиционных практик взаимопомощи и поддержки между семьями. Разрыв отношений между ними по причине социального неравенства носил латентный характер, в интервью респонденты неохотно называли имущественную причину распада дружеских и родственных сетей поддержки. Самооценка поведения тех, кто разрывал отношения, и тех, кто страдал от этих разрывов, была еще сильно привязана к моральным нормам социалистического строя, осуждающим приоритет материальных ценностей. В этот период бывшие друзья и "бедные родственники" находились в примерно одинаковом материальном положении и социальном статусе с людьми, успешно адаптировавшимися к рыночным условиям новой жизни.

Сегодня исследователи отмечают доминирующую роль благосостояния в формировании социальных сетей. Так М. К. Горшков, ссылаясь на данные исследований Института социологии РАН, приходит к выводу, что "стабильное материальное положение способствует сохранению и преумножению социальных сетей", а низкий уровень благосостояния ведет к "смещению в сторону более простых видов помощи" и, следовательно, к ослаблению и распаду сетевых отношений. Он утверждает, что 20% населения России, по сути, лишены социального капитала, т.к. не имеют полезных связей и протекции для решения своих проблем, страдают от одиночества и изолированности [14]. Безусловно, тенденция социального расслоения требует внимания и углубленных исследований.

Однако если посмотреть на эту проблему не только через призму концепции социального капитала, но включить в анализ вышеуказанную парадигму четырех "4К", то анализ интенсивности и направленности взаимообменов, сетевых способов адаптации к изменениям, внеэкономическая рациональность отношений в сети показывает, что имущественное неравенство порождает сети двух видов. Это "сети выживания", направленные на поддержание прожиточного минимума всех участников сетевых отношений за счет уравнительного перераспределения ресурсов сети между ними и "сети развития", которые нацелены на расширенное воспроизводство материальных благ, развитие и укрепление социального капитала всей сети и каждого ее члена.

Анализ данных бюджетного исследования семей и ее графической "карты" семейных связей показал, что в семьях с "материальными" проблемами круг знакомых сузился, а родственные связи укрепились. В "обеспеченных" семьях процесс идет в обратном направлении, связи с родственниками ограничиваются, а с друзьями "своего круга" и "полезными людьми" расширяются.

В основании этих перемен лежит селекция прежних связей по причинам не только экономическим, но и психологическим. Это не только рациональный расчет, когда очевидно, что материальная поддержка "бедных родственников" или "неприспособленных к жизни" старых друзей дело невыгодное. Интервью показывают, что традиция бескорыстной помощи близким и друзьям сохранилась. В редких случаях, когда "сидят на шее", "нагло используют помощь не по назначению" (пропивают, например, деньги, предназначенные на покупку одежды для детей и прочее), тогда отношения прерываются.

Но чаще звучит другой мотив. Это болезненное переживание разрыва прежних статусов и ролей. За сетованием, что нет денег, чтобы "собрать праздничный стол" для своих друзей или купить подарок для старого знакомого, стоит представление, что *"с обычным подарком к ним не пойдешь, он уже птица другого полета. Это раньше мы с ним из одной тарелки щи хлебали"*.

С другой стороны, это иррациональные высказывания, что прежние друзья "завидуют, даже презирают *"будто я украл все это, а не сам, своим умом и горбом заработал"*, что *"могут сглазить"*, что *"не хочу ставить их в неловкое положение, мол,*

у меня все есть, а вы живете как...". чтобы не формировать комплекс неполноценности; да и общих тем для разговора, кроме воспоминаний о прошлом, как правило, становится все меньше. Иными словами, мы можем заключить, что сети развития могут возникать параллельно сетям выживания или даже на их "обломках" вследствие разрыва связей с родственниками и друзьями.

Основные выводы

Социальные и экономические кризисы вне зависимости от степени их "глобальности" практически всегда оживляют интерес к самоорганизующимся неформальным социальным структурам населения, помогающим адаптироваться к сложной политической или экономической ситуации. Научный интерес к продуктивному поведению населения в условиях экономического кризиса фокусируется между полюсами выживания людей "в одиночку" и консолидацией членов различных социальных слоев и групп в сообщества с использованием ресурсов социальных сетей поддержки.

Семейные социальные сети поддержки способствуют как экономическому выживанию семей в условиях финансово-экономического кризиса, так и помогают активизировать продуктивное поведение и развитие, являются базой для закрепления необходимых для развития гражданского общества горизонтальных связей и отношений между людьми различных социальных слоев и групп.

Гражданское общество в России, именно в силу распространения в нем "социальных сетей выживания", имеет существенные отличия от гражданского общества западного типа. Это связано с тем, что в российском обществе осознание частной собственности и неразрывно связанное с ней правовое государство еще не воспринимается как необходимая ценность. В гражданских инициативах явно прослеживаются поведенческие практики социальных сетей выживания, направленные на восстановление справедливости, а не на отстаивание законных прав, и они в основном сосредоточены на проблемах, связанных с первичными жизненными потребностями (жилье, работа, здоровье). "Сети развития" в нашем гражданском обществе, напротив, концентрируются в инициативах, связанных с образом жизни обеспеченных людей (соблюдение гражданских прав, защита культурных ценностей, экономические проблемы и т.п.)

Однако следует признать, что современные теоретические концепции социальной природы неформальных сетей поддержки и имеющийся методологический инструментарий для исследования этого феномена нуждаются в дальнейшем развитии, чтобы сократить разрыв между реальной социально-экономической жизнью российских семей и мифическими представлениями о ней, которые отражаются в "антикризисных мерах".

Исследовательский подход к изучению социальных сетей поддержки семей, основанный на "парадигме 4К", позволяет увидеть недоступные прямому наблюдению или опросу респондентов неявные и не проговариваемые внеинституциональные формы отношений взаимовыручки, моральной и материальной поддержки в социальных сетях поддержки. Наши исследования неэквивалентных обменов, сетей развития и сетей выживания, социально-психологических механизмов устойчивости и эффективности сетевых связей и отношений, формирования сетевой культуры относительно норм поведения и нерыночных ценностей позволяют рассматривать данный феномен социальных сетей поддержки семьи как важный неформальный институт современного российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*, 2001. N 3. С. 129.
2. Granovetter M. The Strength of Weak Ties // *American Journal of Sociology*, vol. 78 (1973). N 6. P. 1360 - 1380.

3. *Zakharov P.* Diffusion approach for community discovering within the complex networks: LiveJournal study. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, Volume 378, Issue 2. Pages 550 - 560. [<http://dx.doi.org/10.1016/j.physa.2006.11.086>]
4. *Ионин Л. Г.* Социология в обществе знаний: от эпохи модерна к информационному обществу. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. 2007. С. 279.
5. *Roberts Brian.* Informal Economy and Family Strategies // *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 18; 1994. P. 6 - 23.
6. *Скотт Дж.* Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в социальном мире: Пер. с англ. / Сост. *Т. Шанин*; Под ред. *А. В. Гордона*. М.: Издательская группа "Прогресс" - "Прогресс-Академия", 1992. С. 202 - 210.
7. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000.
8. *Шанин Т.* Формы хозяйства вне систем // *Вопросы философии*. 1989. N 8.
9. Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России. Под. ред. *Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова*. М. РОСПЭН, 2002.
10. *Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А.* Качественные методы. Полевые исследования. Под. ред. *И. Штейнберга*. СПб.: Алетейя, 2009. С. 315 - 318.
11. *Барсукова С. Ю.* Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2004. С. 329 - 374.
12. *Олейник А. Н.* Триангуляция в контент-анализе. Вопросы методологии и эмпирическая проверка // *Социол. исслед.* 2009. N 2.
13. *Чаянов А.* К вопросу о теории некапиталистических экономических систем // *Неформальная экономика. Россия и мир*. Под. ред. *Т. Шанина*. М.: Логос, 1999. С. 467 - 498.
14. *Горшков М. К.* Российское общество в социологическом измерении // *Социол. исслед.* 2009. N 3. С. 22.